

Б.Н.Комиссаров

«Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...»*

К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811—2011 гг.)

Статья посвящена 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро, т.е. фактически двухвековому консульскому и дипломатическому присутствию России в Латинской Америке (1811—2011). Рассматривается разносторонняя деятельность первого генерального консула и ученого Григория Ивановича Лангсдорфа, а также участников его экспедиции в Бразилию в 1821—1829 гг. Обозначен вклад в развитие российско-латиноамериканских отношений, науку и культуру преемников Лангсдорфа в XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: российское консульство в Рио-де-Жанейро, Лангсдорф и его преемники, российско-латиноамериканские отношения.

В этом году исполнилось 200 лет со дня основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро. Указ об этом Александра I был датирован 18 (30) июля 1811 г.¹. Бразилия оставалась еще португальской колонией, но двор Браганса, спасаясь от наполеоновских войск, с 1808 г. уже пребывал на берегах залива Гуанабара, и в Петербурге планировалось учредить при нем дипломатическую миссию, аналогичную утраченной тогда лиссабонской. Впрочем, Война за независимость в американских владениях

Борис Николаевич Комиссаров — доктор исторических наук, профессор СПбГУ и Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (boris.komissarov@gmail.com).

* Фрагмент из записки неизвестного автора о финансах, политике и торговле российского государства в 1810 г. Полностью его мысль сформулирована так: «Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского с нашим нынешним положением и который бы толикие преимущества представить мог, если только будем уметь учредить с сим государством прямой, деятельный торг, независимый от чужих государств». — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1868, кн. 4. с. 148.

ниях пиренейских королевств уже началась, и к концу первой четверти XIX в. большинство латиноамериканских стран обрели независимость. Естественно, в них появились новые дипломатические представительства. Однако российское генеральное консульство в Рио-де-Жанейро пережило все эти коллизии и, как и ныне, продолжает существовать, обозначая тем самым 200-летие консульского и дипломатического присутствия России в латиноамериканском регионе.

Любое историческое событие становится реальностью не случайно и не спонтанно, а оказывается связанным с многочисленными, разнообразными и подчас весьма хронологически отдаленными внешними факторами. Не является исключением и появление в латиноамериканском регионе российских консулов и дипломатов. Глубинные корни этого «прихода» России в страны, лежащие к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, можно обнаружить еще в середине XVIII в., когда противостояние австрийских Габсбургов и французских Бурбонов сменилось антагонизмом между последними и правительством Туманного Альбиона. Во всяком случае Семилетняя война 1756—1763 гг. со всей определенностью выявила вышедшие на авансцену международной политики жесткие англо-французские противоречия. Они достигли апогея во времена Французской революции и наполеоновской империи. Три первые антифранцузские коалиции 1792—1805 гг. закончились для их главных участников Австрии, Пруссии, России и Англии бесславно. Ту же участь разделила и четвертая коалиция 1806—1807 гг. Союзная России Пруссия потерпела столь сокрушительное поражение, что многие ставили под сомнение возможность сохранения ею своего суверенитета. Россия, подписав в июле 1807 г. тильзитские соглашения, была вынуждена присоединиться к провозглашенной Наполеоном континентальной блокаде Англии, объявить ей войну и в связи со всем этим нанести сильнейший удар по своей внешней торговле. Ведь, скажем, в течение пяти лет до уступок Франции в Тильзите Англия покупала на русском рынке 91% льна, 80% щетины, 77% сала, 73% пеньки, 71% железа, до 50% леса, 43% полотна, 42% пшеницы². Между тем внешнеполитические неприятности для Петербурга продолжались. Поскольку существовал сложившийся еще в первой половине XVII в. англо-португальский альянс, Наполеону было ясно, что протяженная береговая линия Португалии с ее многочисленными удобными гаванями при господстве на морях британского флота могла превратить задуманную им континентальную блокаду в сущую фикцию. В ноябре 1807 г. Португалия была оккупирована французскими войсками, двор Браганса, как упоминалось, в спешке эвакуировался в Бразилию и 1 мая 1808 г. объявил Франции войну. Тогда Россия потеряла возможность торговать и с Португалией, а коммерческие связи с ней насчитывали уже не одно десятилетие и были закреплены в договорах 1787 и 1798 гг.³. Достаточно упомянуть, что во второй половине XVIII в. Португалия закупала почти четверть российской пшеницы⁴.

Однако, прервав торговлю с Португалией, Россия 5 (17) мая 1810 г. опубликовала манифест об открытии коммерческих связей с Бразилией⁵. Это, разумеется, не укрылось от внимания Парижа. В начале декабря 1810 г. французский посол в Петербурге Арман Коленкур в беседе с канцлером Николаем Петровичем Румянцевым, возглавлявшим министерства коммерции и иностранных дел, заявил, что бразильскую торговлю нельзя признать нейтральной. Россия не воюет с Бразилией и поэтому не имеет оснований закрывать свои порты для ее

Рио-де-Жанейро в начале XIX в. Рисунок Йоганна Морица Ругендаса

судов, — парировал глава российского внешнеполитического ведомства. 13 (25) декабря Коленкур повторил свое мнение о торговле с Рио-де-Жанейро на обеде у Александра I. Результат был тот же. Царь уклонился от прямого ответа⁶.

Со времени опубликования «Майского манифеста» 1810 г. в отношениях Петербурга и Рио-де-Жанейро обозначился уникальный период ярко выраженного взаимного благоприятствования. Россия, находившаяся в состоянии войны с Англией и формального мира с Францией, в то же время с каждым месяцем приближалась к разрыву с последней. Двор Браганса, объявив войну Парижу, чувствовал из своего бразильского далека определенную независимость от политического и военного противостояния в Европе, а тем самым и от своего старшего британского партнера. Любопытно, что посланник США в Петербурге в 1809—1814 гг. Джон Куинси Адамс, впоследствии фактический автор знаменитой «Доктрины Монро», заметил в связи с изданием «Майского манифеста» и его критикой французской дипломатией ощутимый водораздел между системами международных отношений в Старом Свете и Свете Новом, американском⁷.

Попросту Петербург и Брагансы в Рио-де-Жанейро на известный период оказались в зоне, свободной от влияния главных игроков на европейской политической сцене. И в новых обстоятельствах они остро нуждались друг в друге. Общий оборот русской торговли в 1807 г. по сравнению со средними данными за 1802—1806 гг. сократился на 27,3 млн рублей серебром. В 1808 г. дела пошли еще хуже, и разница составила уже 50,4 млн руб.⁸. Последствия англо-русского разрыва многократно усугублялись дестабилизацией всей экономической жизни Европы в связи с континентальной блокадой, не прерывавшейся с 1804 г. войнами России с Персией, Францией, Турцией, громадными расходами на армию. В этих условиях обрете-

ние нового рынка, пусть даже такого далекого, незнакомого, экзотического, как бразильский, представлялось целью, достойной немалых усилий.

Нуждался в торговле с Россией и двор Браганса. Он прибыл в необъятную по размерам и обладавшую неисчислимыми ресурсами, но пустынную рабовладельческую страну, лишенную промышленности и производившую лишь рекордное количество колониальных продуктов для вывоза в Европу. При этом связи с Португалией были полностью прерваны, да и в перспективе, в случае ее освобождения, от разграбленной оккупантами и разоренной войной метрополии многого ждать не приходилось.

Конечно, Румянцев уповал не только на Бразилию. В это время наблюдалось небывалое расширение торговых связей между Россией и США, с которыми 14 (26) июня 1810 г. вручением верительных грамот посланником Федором Петровичем Паленым была завершена формальная процедура установления дипломатических отношений.

В середине октября 1808 г. будущий генеральный консул в Рио-де-Жанейро Г.И.Лангсдорф, только что вернувшийся из своего кругосветного путешествия, прибыл в Оренбург, чтобы сопровождать караван в Самарканд и Бухару, то есть изучать подступы к Индии⁹. Однако этому предприятию помешали англичане. И все же коммерческие отношения со странами Востока активизировались: многие товары из Восточной Персии и Северной Индии, доставлявшиеся ранее через европейские страны, стали перевозиться через Среднюю Азию и Оренбург. Их поставщиками были бухарцы. Больших успехов в установлении прямой торговли с Индией добились купцы Семипалатинска.

Осенью 1811 г. канцлер даже рискнул предложить Государственному совету начать торговлю с еще фактически сражавшимися с испанскими войсками «провинциями Каракас, Венесуэла и вице-королевством Санта-Фе». Однако эта инициатива была с возмущением отвергнута, а на самого «недостойного министра» поступил донос императору.

Вернемся, однако, к отношениям с двором Браганса, ведь налаживание торговли с ним потребовало от представителей Петербурга и Рио-де-Жанейро особой подготовки и больших усилий. Возможности маленькой и относительно бедной природными ресурсами Португалии и сказочно богатой Бразилии, превосходившей метрополию по территории в 85 раз, вполне объясняли все эти приготовления. Русско-португальский договор 1798 г. необходимо было кардинально реформировать. Этим в 1810 — начале 1811 гг. занимались Румянцев, его правая рука, начальник экспедиции консульских дел и в будущем первый российский посланник в независимой Бразилии

Григорий Иванович Лангсдорф

Франц Францевич Борель, португальский поверенный в делах Родриго Наварро д'Андрара, а позднее посланник двора Браганса Жуан Пауло Безерра де Сейсаш. К весне 1811 г. ими были подготовлены два важных документа. Речь идет о декларации, продлевавшей договор 1798 г. до конца 1812 г. и предусматривавшей серьезные изменения в номенклатуре товаров обеих стран, а также о дополнительной конвенции к упомянутому договору, уравнивавшей в правах на бразильском рынке и в других колониях Брагансов российских и английских купцов. Эта конвенция была призвана фактически аннулировать англо-португальский договор от 7(19) февраля 1810 г., согласно которому Англия могла завозить свои товары во все владения Брагансов с 15%-ой пошлиной, в то время как португальские товары облагались пошлиной в 16%, а товары других стран в 24%. Теперь для русских товаров тоже вводилась 15% пошлина. Это подрывало существовавший не один век англо-португальский альянс и могло ликвидировать английскую торговую монополию во всем португальском колониальном мире¹⁰.

Вся эта деятельность, конечно, должна была получить, так сказать, организационное оформление. Было учреждено генеральное консульство в Рио-де-Жанейро, имеющее теперь 200-летнюю историю, а 15 (27) июля 1811 г. объявили о переводе из Филадельфии в бразильскую столицу в качестве посланника при португальском дворе упоминавшегося выше Палена. Инструкцию для генерального консула написал Борель. Суть ее состояла в том, чтобы «раскрыть бразильцам, какие преимущества даст им эта торговля... и показать русским купцам всю пользу, которую они могут извлечь из торговли с Бразилией»¹¹. Рекомендации Палену исходили от императора. «Существует, собственно говоря, лишь один вопрос в отношениях с этой державой, который действительно может представить для России интерес: это торговля, выгоды которой кажутся несомненными», — писал он. А поэтому посланник должен был «поощрять склонность португальского министерства к установлению прямых торговых отношений с Россией»¹². Ясно, что в Париже и Лондоне отнеслись к данным шагам весьма неодобрительно, причем противодействие англичан не замедлило проявиться.

Подобрать того, кто возглавит российское генеральное консульство в Рио-де-Жанейро, оказалось непросто. Сначала этот пост был предложен генеральному консулу в Лиссабоне Андрею Яковлевичу Дубачевскому, но он претендовал на статус посланника при дворе Браганса и отказался, ссылаясь на нездоровье. Затем выбор пал на генерального консула в Париже Ксаверия Ивановича Лабенского. Тот согласился, тем более, что должность вице-консула обещал занять его младший брат Михаил. И снова незадача. В результате интриги англичан его бездоказательно объявили приверженцем Бонапарта, что было абсолютно неприемлемо для португальского двора, который и просил об отмене этого назначения. Собственно упоминавшуюся инструкцию Борель писал именно для Лабенского, которого высоко ценил. Наконец, 24 сентября (6 октября) 1812 г. на вакантный пост был определен Лангсдорф. Он сам просил Румянцева об этом назначении еще в сентябре 1810 г. Находясь в 1797—1803 гг. в Португалии, ученый (он был тогда уже членом-корреспондентом Петербургской Академии наук) превосходно овладел языком страны, а главное, впервые посетив остров Санта-Катарина в числе участников первого русского кругосветного плавания в декабре 1803 — январе 1804 г., был восхищен природой Бразилии. Человек энциклопедического

образования, Лангсдорф намеревался совместить свои обязанности генерального консула и широкие страноведческие исследования.

С Лангсдорфом в Рио-де-Жанейро должны были отправиться четверо так называемых «учеников консульства» из числа воспитанников Петербургского коммерческого училища и среди них 14-летний Петр Кильхен, будущий российский вице-консул в бразильской столице. Помимо завершения своего образования «ученики» должны были постигать под руководством Лангсдорфа азы консульской службы. Особое внимание к ним проявляла вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Федор Васильевич Тейль-фан-Сероскеркен

Между тем еще за четыре месяца до назначения Лангсдорфа «медовый месяц» в отношениях правительств Петербурга и Рио-де-Жанейро, продолжавшийся чуть больше двух лет, завершился. Удушавшая Россию континентальная блокада и бесцеремонно-агрессивная наполеоновская внешняя политика делали для нее неизбежными войну с Францией и союз с Англией. Время Румянцева уходило в прошлое. Новые конъюнктурные веяния безошибочно улавливал его антагонист министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев. Он-то вместе с посланником Безеррой 29 мая (10 июня) 1812 г. подписал декларацию о продлении срока действия договора 1798 г. до 5 (17) июня 1815 г. Эта декларация в противовес ранее разработанным документам обязывала обе стороны соблюдать все условия старого договора, «как если бы они были вписаны здесь слово в слово»¹³. Труды Румянцева, Бореля и их португальских партнеров оказались невосстребованными. Англия по-прежнему оставалась хозяйкой бразильского рынка. Однако главное было сделано: российское генеральное консульство в Рио-де-Жанейро стало реальностью. Россия пришла в тогдашнюю Португальскую и Испанскую Америку, а позднее в латиноамериканский регион в целом, и пришла навсегда.

Деятельность Лангсдорфа в Бразилии была чрезвычайно разнообразна и многоаспектна. В качестве генерального консула он сообщал в Петербург часто менявшиеся в зависимости от международной ситуации сведения о бразильском рынке, т.е. ценах, русских товарах, пользовавшихся наибольшим спросом, графике движения отечественных судов из балтийских портов в Рио-де-Жанейро. Лангсдорф внимательно следил за жизнью оживленного столичного порта. Так, он собственноручно составил списки судов, вышедших из бразильской столицы и пришедших в нее за четыре месяца до его прибытия в апреле 1813 г. В списках указывалось время выхода из порта или прихода в него, название и класс судна, фамилия и имя капитана, порт назначения или отправления, характеристика груза. Список, касавшийся импорта, содержал, кроме того,

сведения о времени нахождения судна в пути и грузополучателе. Всего Лангсдорф учел 422 ушедших и 434 прибывших судна¹⁴.

Разумеется, на пути российско-бразильской торговли стояли огромные трудности. Купцов из Рио-де-Жанейро останавливали таможенные льготы англичанам, малочисленность португальско-бразильского торгового флота, значительные расходы на снаряжение судов и их страхование, высокие цены на товары бразильского импорта, нехватка наличных капиталов, привлекательность выгодных плаваний в Индию. Русских купцов сдерживала традиционная ориентация на английских посредников, недостаточный уровень развития отечественной промышленности, слабость торгового судоходства. Развитого торгового флота в России фактически не было. Рекрутский набор обеспечивал лишь ее военный флот, а на пути свободного найма матросов на торговые суда неизменно преградой оказывалось крепостное право. Приходилось уповать только на тех, кто оставался за пределами его каменных объятий: моряков из некоторых российских портов на Балтике, а также Белом море (например, архангельских поморов), финнов (с 1809 г. Финляндия вошла в состав России), одесских греков. Но их было явно недостаточно. Остальные перевозки могли осуществляться только за счет фрахта иностранных судов.

Нельзя не отметить и другие проблемы торговли между столь отдаленными друг от друга партнерами. Во время долгого нахождения в море портились товары, неизвестные в России продукты тропиков плохо продавались на ее рынке, мешало всевластие английских чиновников, пользовавшихся в Бразилии правом экстерриториальности, досаждал произвол местных властей, не считавшихся с законами, наконец, суда обеих стран подвергались нападению каперов или просто пиратов.

Лангсдорф заботился также о русских подданных в Бразилии, занимался с учениками консульства, подыскивал для них преподавателей, подбирая торговые дома для прохождения ими практики, вместе с Петром Петровичем Кильхеном снабжал всем необходимым корабли русских кругосветных плаваний (в первой трети XIX в. их было 28, и суда 24-х из них останавливались в Рио-де-Жанейро). Лангсдорф начал создавать российскую консульскую сеть в Бразилии, учредив, в частности, в марте 1814 г. внештатное вице-консульство в Салвадоре во главе с местным купцом Франсиско Рибейро Пессоа.

В то время в российском ведомстве иностранных дел в целях экономии расходов нередко практиковалось временное замещение генеральными консулами вакантных дипломатических постов в случаях планового или неожиданного отъезда штатных дипломатов. Поэтому Лангсдорф подолгу выполнял по совместительству функции поверенного в делах при португальском дворе. Так было с июня 1814 по май 1815 г., после отъезда Палена и до прибытия Алексея Васильевича Сверчкова, а также с июня 1817 по сентябрь 1819 г., пока отправившегося в Петербург посланника Петра Федоровича Балк-Полева не сменил Федор Васильевич Тейль-фан-Серо-скеркен. В 1822—1829 гг. (до прибытия посланника Бореля) Лангсдорф, руководивший научной экспедицией в центральных районах Бразилии, поручил вице-консулу Кильхену информировать российское правительство о политической ситуации в стране.

Со времени службы в Бразилии Лангсдорфа, а затем неизменно и в дальнейшем, необходимо отметить чрезвычайно характерную черту российского консульского и дипломатического присутствия в Бразилии и вообще в латино-

американском регионе. Речь идет о разнообразной научной, культурной, художественной, литературной, просветительской, хозяйственно-экономической, консультационно-административной деятельности представителей российского министерства иностранных дел, сыгравшей непреходящую роль как в истории Латинской Америки, так и мировой цивилизации в целом.

Очевидно, что в условиях крайней занятости по службе Лангсдорф в 1813—1820 гг. (т.е. во время второго периода пребывания в Бразилии, если считать первым посещение о-ва Санта-Катарина в 1803—1804 гг.) мог удовлетворить свою страсть к наблюдениям природы и коллекционированию лишь в минимальной

Сергей Григорьевич Ломоносов

степени. Выехать за пределы столицы ему удалось лишь дважды: в декабре 1815 г. в Серра-душ-Оргауш — горную местность, расположенную в 30—40 км к северо-востоку от Рио-де-Жанейро, и в декабре 1816 г. — марте 1817 г. в Минас-Жерайс, когда он в компании французского ботаника Огюста Сент-Илера совершил верхов 700-кило-метровое путешествие по городам и приискам этого края золота и алмазов.

Однако, если не удавалось путешествовать самому, то можно было, скажем, оплатить (разумеется, из личных средств) участие своего помощника в экспедициях других лиц. Осенью 1814 г. ученый послал прибывшего с ним из Европы молодого охотника и чучельника Георга Фрейрейса в путешествие с немецким минералогом Вильгельмом Людвигом фон Эшвеге, а затем, в 1815 г., охотник на тех же условиях присоединился к экспедиции немецкой владетельной персоны, натуралиста и этнографа принца Максимилиана цу Вид-Нейвид. Эти поездки завершились в 1817 г. Они проходили по территориям тогдашних капитаний Минас-Жерайс, Гояс, Пернамбуко, Баия и стоили Лангсдорфу 12 тыс. рублей. Немало коллекций он покупал у других собирателей. В итоге, по самым скромным и, наверняка, неполным подсчетам, консул-ученый отправил в те годы в Россию с разными оказиями без малого 14 тыс. предметов для зоологических коллекций и тысячи гербарных листов.

Потрясающая жизненная энергия и общественная активность Лангсдорфа побудили его в созвучии с переживаемой в то время Бразилией настоящей экспансией европейского научного знания создать близ Рио-де-Жанейро уникальный, просуществовавший целое десятилетие (1816—1826 гг.) центр под названием «Мандиока». Напоминая по своей семантике популярный южноамериканский мучнистый корнеплод маниоку, «Мандиока» на поверку являлась купленной ученым через три года после прибытия в бразильскую столицу примерно за 20 тыс. рублей и отстоявшей от столицы километров на 70 фазендой площадью 25 км². (ныне муниципия Маже штата Рио-де-Жанейро). Там, по отзывам очевидцев, находились «камен-

ный дом и другие, деревянные, строения приятной архитектуры», госпиталь, ботанический сад, «собрание насекомых, млекопитающих, птиц и гербариум в своем роде единственный», библиотека «из книг отборных по всем отраслям наук», «огромный грот вместимостью на 50 человек, где были собраны чудеса неорганической природы» — иными словами, своеобразный минералогический музей¹⁵. «Мандиока» стала местом паломничества иностранных исследователей Бразилии. Там бывали упоминавшийся Сент-Илер, члены австро-баварской экспедиции Карл Мартиус, Иоганн Шпикс, Иоганн Поль, Иоганн Наттерер с их сотрудниками, флорентийский натуралист Джузеппе Радди, анатом и орнитолог Игнац Ольферс и многие другие. О гостеприимстве Лангсдорфа тепло отзывались Василий Михайлович Головин, Федор Федорович Матюшкин, Федор Петрович Литке, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, Андрей Петрович Лазарев... трудно назвать участников русских кругосветных плаваний, которые были бы незнакомы с Лангсдорфом. В «Мандиоке» происходил обмен коллекциями, велись дискуссии о новых методах исследования и фиксации природных объектов, разрабатывались и обсуждались планы будущих экспедиций.

Между тем Лангсдорф задумал «Мандиоку» отнюдь не только как научный центр. Он хотел, чтобы она стала образцовым и редким в Бразилии того времени поликультурным хозяйством. В фазенде была обширная для начала XIX в., когда производство кофе в стране только зарождалось, кофейная плантация. В 1817 г. она насчитывала тысячу деревьев, а спустя несколько лет, по разным данным, — от 20 до 40 тыс. Значительные участки Лангсдорф отводил под маниоку, кукурузу, индиго и другие культуры. В фазенде работали в разные годы от 30 до 60 рабов, но, понимая, что рабский труд для Бразилии абсолютно бесперспективен, ученый стал главным консультантом Жуана VI по вопросам европейской эмиграции и в 1819 г. обратился к нему с ходатайством об освобождении возможных свободных поселенцев «Мандиоки» от службы в милиции, налогов и ряда других повинностей, которые могли бы помешать им прочно осесть на ее земле.

К концу 10-х годов планы Лангсдорфа вполне определились. Он задумал предпринять российскую научную экспедицию в центральные районы Бразилии и привезти из Европы на земли своей фазенды немецких колонистов. В марте 1820 г. ученый отправился в Париж, затем в германские земли, а далее — в Россию.

13 июня 1821 г. Лангсдорф представил министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде проект будущей экспедиции. В ее задачи входили «ученые открытия, географические, статистические и другие исследования, изучение неизвестных доселе в торговле продуктов, коллекции предметов из всех царств природы»¹⁶. Подробная смета, приложенная к проекту, предусматривала выделение на путешествие 40 тыс. рублей ассигнациями единовременно и по 10 тыс. рублей ежегодно. В дальнейшем субсидии несколько раз увеличивались.

15 июня Лангсдорф был принят в Царском Селе Александром I, который санкционировал экспедицию и взял ее под свое покровительство. Григорию Ивановичу предоставлялась полная свобода в отношении выбора маршрута путешествия, да и продолжительность его нигде не оговаривалась. Во время аудиенции у Александра I Лангсдорф обратил внимание на то, что задуманная им экспедиция важна для того, «чтобы Россия не отста-

вала от других держав»¹⁷. Принцип международного престижа, конечно, играл в решении о ее организации очень существенную роль. Сокрушив наполеоновскую империю, Россия не желала опускать планку своего влияния и во всех других сферах, в частности, в области науки, успехи которой тогда во многом определялись интенсивностью экспедиционной деятельности и полнотой имперских музеев. Ведь это было время собирательства и описания в естествознании, этнографии, науках о Земле. Речь шла также о возможном расширении ассортимента продуктов мировой торговли, то есть задаче сугубо экономического плана. Что касается военно-политических соображений, то они отсутствовали.

5 января 1822 г. на зафрахтованном корабле «Дорис» Лангсдорф отправился из Бремена в Рио-де-Жанейро. С ним, помимо родственников, были участники будущей экспедиции француз зоолог Эдуард Менетрие и немец художник Йоганн Мориц Ругендас. Кроме того, на борту «Дорис» разместились около двух десятков семей немецких ремесленников, приглашенных Лангсдорфом, причем за его счет, поселиться в «Мандиоке». В трюме «Дорис» было экспедиционное снаряжение и множество грузов для фазенды ученого.

Перечень всего этого, представленный по прибытии властям Рио-де-Жанейро, показывает, с каким размахом и тщательностью Лангсдорф готовился к осуществлению своих больших планов. На «Дорис» были перевезены сотни книг (среди которых было много ценных старинных изданий), около 150 литографий и рисунков, 58 оптических приборов, естественно-научные коллекции, состоящие почти из 300 предметов, живые растения, бумага различных видов, ружья, дробь. Рядом разместили ящики, тюки, кипы, пакеты, связки, бочки. В них были инструменты плотников, кузнецов, каменотесов, резчиков по дереву и других ремесленников, около 200 пар различных часов, много хлопчатобумажных тканей, всевозможная посуда, зеркала, мыло, медикаменты, краска, льняное масло. Там были также серпы, седла, ручные тележки, тачки, наковальни, якоря, колокола, точильные камни, железные и медные котлы, жаровни для кофейных зерен, оконное стекло и т.п.¹⁸. Так еще не готовилась ни одна из современных Лангсдорфу научных экспедиций в Новый Свет. Дело было даже не в ее оснащении. Важна была другая особенность: ученый намеревался не только исследовать Бразилию, но и способствовать ее преобразованию. Он хотел развернуть в «Мандиоке» строительство домов, используя в качестве материала необожженный кирпич, наладить производство дощатых крыш, построить мыловаренную фабрику и стать инициатором других не менее интересных и важных для Бразилии хозяйственных нововведений¹⁹.

5 марта 1822 г. корабль «Дорис» прибыл в Рио-де-Жанейро. Там уже с 24 февраля находился астроном и картограф экспедиции офицер корпуса флотских штурманов Нестер Гаврилович Рубцов, доставленный в бразильскую столицу на совершавшем кругосветное плавание военном шлюпе «Аполлон», а в конце 1822 г., уже в «Мандиоке», к путешественникам присоединился ботаник Людвиг Ридель. В 1824—1825 гг. из состава экспедиции вышли Йоганн-Мориц Ругендас и Эдуард Менетрие, и Лангсдорф пригласил для участия в ней двух французских художников Адриана Тонэя и Эркюля Флоранса.

В 1822—1824 гг. Лангсдорф и его спутники изучали окрестности Рио-де-Жанейро в радиусе до 200 км, а затем в 1824-1825 гг. прошли свыше 1000 км по нынешнему штату Минас-Жерайс. Далее экспедиция с сентября

1825 по июнь 1826 г. исследовала населенную часть штата Сан-Пауло, в частности, в направлении штата Парана, а с июня 1826 по январь 1827 г. совершила семимесячное плавание по рекам Тиете, Парана, Рио-Пардо, Кошин, Такуари, Парагвай, Сан-Лоуренсо, Куяба общей протяженностью около 4 тыс. км. Из Куябы путешественники предпринимали радиальные поездки на расстояния до нескольких сот километров, в том числе до границы с Боливией. Затем, чтобы обследовать большую территорию, Лангсдорф разделил экспедицию на два отряда. Сам он во главе первого из них достиг Амазонки по рекам Рио-Прето, Аринус, Журуэна и Тапажос, а Л.Ридель в одиночку (поскольку его спутник Тонэй утонул еще в начале января 1828 г.) добрался до великой реки по Гуапоре, Маморе и Мадейре, предприняв кроме того плавание вверх по Рио-Негро. Только по территории Мато-Гроссо два экспедиционных отряда преодолели не менее 7,5 тыс. км. По самой Амазонке участники экспедиции прошли от Манауса до Белена. К этому следует добавить, что Ридель до присоединения к экспедиции почти год самостоятельно исследовал нынешний штат Баия²⁰. Его гербарий и рукописи дополнили состав экспедиционных материалов.

Как известно, Лангсдорф в апреле 1828 г. на берегах реки Журуэна заболел тропической лихорадкой и навсегда лишился памяти. Экспедиция была прервана. В марте 1829 г. она возвратилась в Рио-де-Жанейро, а ее руководитель и генеральный консул отправился в Европу и вскоре вышел в отставку. Лишенный возможности чем-либо заниматься, Лангсдорф прожил еще без малого четверть века и скончался во Фрейбурге в 1852 г.

По весьма неполным подсчетам все упомянутые выше изыскания в Бразилии обошлись российской казне и лично Лангсдорфу в 346 тыс. рублей. Это была огромная сумма. Достаточно сказать, что она равнялась примерно тысячной доле бюджета Российской империи в 1817 г.

Впервые осуществленное комплексное изучение Бразильского нагорья и пересечение его с исследовательскими целями по речным системам верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса было научным подвигом Лангсдорфа и его спутников. Материалы, собранные тогда российскими путешественниками, явились ядром южноамериканских коллекций академических музеев России. И далеко не случайно. Ведь экспедицию характеризовали такие фундаментальные признаки, как продолжительность, оригинальность, интенсивность, комплексность, финансовая обеспеченность, высокий научный и интеллектуальный уровень участников, оснащенность оборудованием, международный характер, полнота сохранности и высокая степень достоверности полученных результатов. Обширные энтомологические, герпетологические, ихтиологические, орнитологические (ныне в Зоологическом музее Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге хранится более тысячи чучел птиц); маммологические коллекции; гербарий почти в 100 тыс. экз. (один из самых полных тропических гербариев в мире, содержание которого послужило для установления примерно 15 процентов видов необъятной бразильской флоры); карпологическая коллекция в 5 тыс. экз. (образцы древесины, семена, плоды); собрание минералов; около ста этнографических предметов; несколько сот рисунков; десятки карт (как результат впервые осуществленной съемки глубинных районов Южной Америки); архив, включающий более 4 тыс. страниц рукописей (дневников, описаний, трудов, статистических таблиц, словарей индейских

языков, архивных документов, писем) и содержащий ценные сведения по географии, ботанике, зоологии, медицине, экономике, статистике, истории, этнографии, лингвистике — таковы итоги этой грандиозной исследовательской эпопеи первой трети XIX в. Ее библиография еще в 1979 г. насчитывала около 400 наименований на 10 языках²¹, а ныне многократно увеличилась.

Это был, так сказать, материальный результат исследований Лангсдорфа, но в его архиве мы находим целый комплекс проектов, которые российский генеральный консул, более чем на век опережавший свое время, посылал бразильским властям. Лангсдорф, как теперь очевидно, с поразительной точностью нашел место для новой столицы Бразилии, расположенной ближе к ее географическому центру, предлагал основать в Минас-Жерайсе первый в стране университет, ратовал за развитие старых и строительство новых провинциальных центров (таких, как Сан-Жозе в Минас-Жерайсе, Пирасикаба и Камапуан в провинции Сан-Пауло, Бананалдо Леме в Мато-Гроссо), за установление новых, основанных на взаимном обогащении культур отношений с индейцами, за усовершенствование денежного обращения и добычи алмазов, выступал против практики выжигов и неограниченного доступа иностранного капитала в районы добычи полезных ископаемых (например, в Гонго-Соко в Минас-Жерайсе), доказывал необходимость защиты редких животных и научного использования растительного мира. Путешествия, а тем более транспортировка товаров по территории Бразилии представляли огромные трудности. Ученый советовал усовершенствовать навигацию между Порто-Фелис и Куябой и построить в 30 км от Диамантино связанный с этим населенным пунктом хорошей дорогой Новый порт на Рио-Прето, откуда можно было бы добраться до города Сантарен в Амазонии. Особое внимание он обращал на использование в транспортных целях рек Пекири, Сукуру, Аринус и других²².

Участники экспедиции Лангсдорфа внесли выдающийся вклад в мировую науку и культуру. Н.Г.Рубцов (1799—1874) первым в мире картировал территорию Бразилии от Рио-де-Жанейро до устья Амазонки, оставив 28 рукописных карт и восемь планов бразильских городов, хранящихся ныне в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Содержащие огромный материал по физической и исторической географии, топонимике, этнографии и другим отраслям знания, они были полностью опубликованы только в каталоге выставки «Экспедиция Лангсдорфа», демонстрировавшийся в феврале — сентябре 2010 г. в Сан-Пауло, Бразилиа и Рио-де-Жанейро²³. Картографическое наследие Рубцова еще нуждается в тщательном и всестороннем изучении.

Эдуард (в русской службе Эдуард Петрович) Менетрие (1802—1861) стал выдающимся энтомологом. Он работал в Зоологическом музее Петербургской Академии наук, являлся ее членом-корреспондентом и одним из основателей Русского энтомологического общества²⁴.

Л.Ридель (1791—1861) — выдающийся ботаник, наряду с Лангсдорфом составитель, как уже упоминалось, одного из крупнейших в мире гербариев тропической флоры, хранящегося ныне в Ботаническом институте Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. В 1831—1836 гг. он продолжал экспедицию Лангсдорфа и заведовал Бразильским филиалом Петербургского Ботанического сада. Коллекции, собранные им в это время, дополнили лангсдорфские материалы. Перейдя в 1842 г. на бразильскую

Александр Семенович Ионин

только выполнил множество рисунков и вел дневник, который, впоследствии, переработав, опубликовал и сделал едва ли не бестселлером, но и записывал нотными знаками голоса животных, т.е. положил начало зоофонии, предшественнице современной биоакустики. Один из первых паулистов-журналистов, Флоранс и в Сан-Карлосе продолжал заниматься живописью, оставив значительное художественное наследие, отмеченное стремлением к экспериментальной передаче различных оттенков света. Архив этого спутника Лангсдорфа свидетельствует, что он глубоко изучал проблемы механики, физики, химии. В 1833 г. раньше Луи Жака Манде Дагера, Жозефа Нисефора Ньепса и Уильяма Генри Талбота Эркуль Флоранс изобрел фотографию, что ныне признано в мире²⁶. В Кампинасе есть площадь, в центре которой установлен памятник Флорансу как изобретателю фотографии.

И.М.Ругендас (1802—1858) знаменит как «художник двух Америк». В 1825 г. он прибыл в Европу и при поддержке Александра Гумбольдта опубликовал в 1827 г. в Мюльхаузене «Живописное путешествие в Бразилию» — альбом гравюр, выполненных на основе его рисунков времени участия в экспедиции Лангсдорфа. В 1835 г. появилось роскошное парижское издание этого альбома²⁷. Воспроизведенные в нем гравюры не только познакомили мир с образом Бразилии начала XIX в., но и стали существенным фактором бразильской культуры и быта бразильцев на все времена. До сих пор нет, пожалуй, ни одного учебника по истории Бразилии или просто книги о ее прошлом, где бы не было этих гравюр. Миллионы их экземпляров украшают стены официальных учреждений, частных апартаментов и вестибюлей различных зданий в бразильских городах. Их можно найти на предметах быта, кафельной плитке и т.п. В 1831—1847 гг. Ругендас, путешествуя по разным странам американского континента — Гаити, Мексике, Чили, Аргентине, Перу, Боливии, — очень много рисовал. В 1848 г. баварский король Людвиг I купил коллекцию произведений художника,

службу, Ридель возглавлял отдел ботаники, сельского хозяйства и ремесел Национального музея в Рио-де-Жанейро, одно время был его директором, а также управлял садами бразильского императорского дома и знаменитым Ботаническим садом в бразильской столице. Считается, что именно Риделю Рио-де-Жанейро обязан своим всемирно известным зеленым убранством²⁵.

Э.Флоранс (1804—1879) после возвращения из экспедиции навсегда остался в Бразилии. Он поселился в городке Сан-Карлос (ныне Кампинас), в провинции Сан-Пауло и стал владельцем кофейных плантаций. Это был человек исключительных по глубине и разносторонности дарований. В период экспедиции он не

насчитывавшую 3025 номеров. Однако она содержала не все работы Ругендаса. Общая численность последних точно не установлена. По одним данным, их было 3339, по другим — 3353²⁸.

Несмотря на то, что жизнь А.Тонэ (1802—1828) оборвалась всего в 25 лет, он оставил много талантливых и ценных с научной точки зрения рисунков, выполненных в период экспедиции²⁹.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что если бы Лангсдорф не возглавил основанное в 1811 г. российское генеральное консульство в Рио-де-Жанейро, ничего из изложенного выше могло не произойти, или все сложилось бы совсем по-другому. Между тем знаменательно и то, что многие служившие затем в Бразилии и испаноязычных странах Америки консулы и дипломаты России, можно сказать, приняли эстафету из рук этого первопроходца.

В 1832 г. в кресло Лангсдорфа сел Юлиус Александрович Валленштейн, ранее — переводчик российской миссии в Мадриде и советник американского представительства. С ранних лет он проявил большой интерес к изучению истории и литературной деятельности. Валленштейну было чуть больше 20 лет, когда он был избран членом-корреспондентом Мадридской Академии истории. Американский период жизни будущего генерального консула тоже оказался весьма плодотворным. Он послал в Петербург рукопись о ситуации в американских колониях Испании, в которой писал о ее неспособности управлять ими, об успехах восставших, значении позиции США и Англии для судьбы освободительного движения в этом регионе. В Вашингтоне он закончил также «Замечания о причинах и принципах союза между Францией и США в 1778 г.» и «Очерк дипломатической истории Американской революции» — первый труд российского происхождения на эту тему. Упомянутые работы остались неопубликованными, хотя кое-что Валленштейну все же удалось издать. Так, в трудах Американского философского общества, членом которого он состоял, появились результаты его метеорологических наблюдений в Вашингтоне (кстати, первое исследование российского автора в этом издании), был опубликован сделанный им английский перевод «Русских сказок». Валленштейн являлся членом Американской Академии искусств и наук в Бостоне, членом-корреспондентом Литературного общества в Рио-де-Жанейро, куда привлек зачинателя американского романтизма Вашингтона Ирвинга, переписывался с Джаредом Спарксом, Дэниэлем Уэбстером, Эдуардом Эвереттом, Генри Клеем, И.Ф.Крузенштерном, готовил пространный обзор трудов последнего для «The North American Review», сотрудничал с «The American Cartel Review». Он оставил огромный архив, хранящийся ныне в Москве и Рио-де-Жанейро³⁰. Внимательное изучение бумаг Валленштейна еще впереди.

Пост первого российского посланника в Бразилии в 1829—1831 гг. занимал, как уже упоминалось, Ф.Ф.Борель, ранее генеральный консул в г. Фуншал (о-в Мадейра) и в Лиссабоне, где длительное время являлся также поверенным в делах. Это был выдающийся знаток торговли, финансов, экономики и политики португалоязычного мира своего времени. Ему принадлежат труды по теории и практике консульской службы, в которой он с полным основанием видел и политическую составляющую, и авторство проекта российско-бразильского договора «о дружбе, торговле и мореплавании» (1828 г.), учитывавшего, что немаловажно, не только интересы России, но и ее партнера, дабы дать ему перспективы для дальнейшего разви-

тия. Горячий, можно даже сказать страстный, сторонник прямой торговли между Россией и Бразилией, он помимо множества конкретных шагов, предпринятых в этом направлении, создал в дополнение к традиционной, заложенной Лангсдорфом, системе внештатных вице-консульств, еще и сеть консульских агентов в бразильских портах.

Борель проявил себя и как ученый-страновед. Он послал в Петербург две части подготавливаемого им труда о Бразилии. Одна посвящена финансовому положению страны, другая — внутриполитической ситуации в ней и внешней политике. Дипломат оставил обширный архив, хранящийся в Москве. В 1812—1831 гг., находясь на Мадейре, в Португалии, Бразилии, он постоянно сопровождал донесения в министерство иностранных дел копиями многочисленных рукописных материалов, малотиражными изданиями, подборками вырезок из газет, своими аналитическими записками, конспектами, статистическими таблицами, касающимися экономической и политической жизни регионов, где преобладающим языком являлся португальский. Так возникла коллекция, представляющая большую ценность ввиду качественного отбора информации и наличия лакун в архивах стран, бывших в прошлом португальскими колониями. В коллекции Бореля есть и материалы об испаноязычных странах Америки. Он получал их от своего корреспондента в Лиме Ахилла Алье³¹.

Сменивший Бореля первый секретарь российской миссии, а затем поверенный в делах Аполлон Петрович Мальтиц помимо служебной деятельности в Рио-де-Жанейро в 1832—1836 гг. был в свое время известным немецкоязычным поэтом, общался с Василием Андреевичем Жуковским, Владимиром Федоровичем Одоевским и другими выдающимися деятелями русской литературы, был другом и свояком замечательного русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Профессор Московского университета и член Петербургской Академии наук Степан Петрович Шевырев, переводивший Мальтица с немецкого, писал, что хотя он «по языку своему и принадлежит Германии, но по... чувствам его одушевляющим, превосходному знанию русского языка и словесности мог бы быть также отнесен к литераторам нашего отечества, писавшим на иностранных языках». «Глубокая мысль, сильное чувство, нередко шутивная ирония и изящно обработанный стих, выражением своим знаменующий отчетливое изучение древних, а гармониею — музыкальное ухо поэта, — вот некоторые черты лирической музыки Мальтица», — отмечал этот признанный критик и историк литературы³².

Выпускник первого набора в знаменитый Царскосельский лицей, одноклассник и близкий знакомый великого Пушкина, постоянно фигурировавший в переписке поэта Сергей Григорьевич Ломоносов, без малого 12 лет (с 1836 по 1848 г.) прослужил посланником в Бразилии. Племянник дипломата как-то упоминал, что бразильский император Педро II был с его дядей «очень дружен и учился у него по-русски». С.Г.Ломоносов отличался наблюдательностью и обладал несомненными литературными способностями. Он талантливо знакомил русское общество с бразильской действительностью своего времени. В 1839—1841 гг. в журнале «Современник», основанном Пушкиным и издававшимся тогда поэтом и критиком Петром Александровичем Плетневым, печатались присылавшиеся им рукописи — статья «Картина Бразилии», основанная на письмах посланника, его публикация о провинции Минас-Жерайс и, в частности, селении Гонго-Соко,

где находились управлявшиеся англичанами богатейшие золотые прииски, наконец, очерк о происходившем в 1835—1840 гг. в провинции Пара восстании Кабанада. Ломоносов сам побывал в столице Пара Белене, а по пути туда посетил города атлантического побережья Бразилии³³.

Пожалуй, настоящим ветераном по длительности службы на посту посланника в Бразилии был Дмитрий Григорьевич Глинка. Она продолжалась без малого 15 лет — с 1856 по 1871 г. Лишь однофамилец композитора, он был, однако, довольно известным в свое время ученым-обществоведом. В 1835 г. в Берлине на французском языке был опубликован его «Очерк теории естественного права». В 1842 г. в Париже появился труд Глинки «Философия права или объяснение общественных доходов». Второе издание этой книги вышло в 1862 г. одновременно в Брюсселе и Лейпциге. В 1867 г. книга в переработанном виде была издана в Париже под заголовком «Наука о человеческом обществе», а через три года — на русском языке, в Петербурге. Позитивную оценку взглядов Д.Г.Глинки дал известный российский публицист и общественный деятель Николай Васильевич Шелгунов³⁴.

Территориальное расширение российской внешнеполитической сцены в Латинской Америке обозначилось благодаря начавшейся в 1883 г. деятельности посланника в Рио-де-Жанейро Александра Семеновича Ионина, блестящего отечественного дипломата, неутомимого путешественника и талантливого литератора. Конечно, политические контакты России с большинством испаноязычных стран Америки в конце 20-х — начале 80-х годов XIX в. существовали, однако они не привели ни к учреждению миссий этих стран в Петербурге, ни российских представительств в регионе. Речь идет, например, об указе Николая I от 2 апреля 1829 г. о назначении российским консулом на Кубе Александра Людerta³⁵, о грамоте президента Республики Венесуэла Хосе Тадео Монагаса Александру II от 22 марта 1856 г. с предложением «открыть взаимные торговые дружественные сношения между обоими государствами», грамоте Александра II президенту Восточной Республики Уругвай Габриэлю Антонио Перейре от 10 декабря 1857 г. о признании его страны де-юре, об оформлении отношений России с Колумбией (тогда Гранадской конфедерацией) в 1858 г., о кратковременных (без учреждения миссий) дипломатических отношениях с Перу в 1873—1880 гг., о признании Россией Коста-Рики и Гондураса соответственно в 1872 и 1877 гг., а также о стабилизации связей с Гватемалой в 1880 г., наконец, о грамоте Александра III президенту Парагвая Бернардино Кабаллеро от 16 февраля 1883 г. с выражением готовности содействовать всему, что «может упрочить приязнь» между российскими подданными и Парагвайской Рес-

Роман Романович Розен

публикой³⁶. Таким образом, до Ионина на американском континенте существовали всего лишь две российских миссии, т.е. возглавляемая им самим и его коллегой в США. Таким образом, консульские и дипломатические контакты Петербурга в Латинской Америке очень существенно отставали от политического, социального и экономического развития тогдашнего мира.

Оценивая значение связей с латиноамериканскими странами для России, Ионин в целом проводил линию Бореля, но, разумеется, в соответствии с новыми торгово-экономическими реалиями и значительно системнее, т.е. имея в виду не только Бразилию, а и весь гигантский регион. Очевидно, что учредить в каждой южноамериканской стране российскую миссию было в то время невозможно: масштаб отношений этих стран с Россией был явно недостаточен. Однако следовало начать процесс сближения между Петербургом и его заатлантическими партнерами. Ионин занялся этим со свойственными ему профессионализмом и настойчивостью. С 1885 г. он, оставаясь главой миссии в Бразилии, стал посланником в Аргентине, а с 1887 г. — в Уругвае. При его приемниках Михаиле Николаевиче Гирсе (1895—1898 гг.), Алексее Николаевиче Шпейере (1898—1904 гг.), Маврикии Эдуардовиче Прозоре (1904—1909 гг.), Петре Васильевиче Максимове (1910—1916 гг.) эта тенденция получила дальнейшее развитие. С 1908 г. глава миссии в Бразилии совмещал эту же деятельность в Парагвае, а с 1911 г. — в Чили³⁷.

За годы пребывания в Южной Америке Ионин путешествовал по Бразилии, Аргентине, Уругваю, Парагваю, Чили, Боливии, Перу. По возвращении на родину, после провозглашения в 1889 г. Бразилии республикой, и находясь затем во главе швейцарской миссии, он создал замечательный четырехтомник очерков «По Южной Америке», вышедший в свет в 1892—1902 гг. и удостоенный наиболее почетной в России Демидовской премии Петербургской Академии наук³⁸.

Ионин в известной мере способствовал также установлению дипломатических отношений России с Мексикой, что видно, в частности, из его относящейся к 1887 г. переписки с товарищем министра иностранных дел Александром Егоровичем Влангали³⁹. В итоге дело установления этих отношений завершил 22 декабря 1890 (3 января 1891 г.) г. талантливый дипломат Роман Романович Розен, ставший первым российским посланником в Мексике⁴⁰. Отношения Российской империи с Республикой Куба существовали на уровне консульств и были установлены 26 мая — 6 июля 1902 г. До 1917 г. этот пост бессменно занимал консул Франсуа Режи де Трюффэн⁴¹.

Исходя из вышеизложенного, кто-то, возможно, сделает вывод, что консульская и дипломатическая служба россиян в Бразилии и вообще в латиноамериканском регионе в XIX — начале XX вв. протекала в целом достаточно благополучно, и достигнутые ими результаты давались относительно легко. Между тем это далеко не так. Прежде всего, все они с большим трудом переносили климат тропиков, оказывавший неблагоприятное, а подчас и губительное влияние на здоровье как их самих, так и их близких. Но были проблемы и другого порядка. Многие из героев нашей статьи благодаря своим ярким индивидуальностям, фундаментальному образованию, способностям и интеллекту намного опережали политическую и социально-экономическую ситуацию в современной им России, и, уж во всяком случае, весьма ограниченные в то время уровень и масштаб ее отношений со странами латиноамериканского региона. Россия и эти страны вращались

по разным, почти не пересекавшимся международным орбитам. Развитие их контактов объективно зависело от множества разнохарактерных причин, уходивших корнями в историческое прошлое и становившихся явными в то время. Этим объяснялось часто возникавшее у российских консулов и дипломатов чувство неудовлетворенности своей деятельностью, ощущение не востребо- ванности имевшихся у них возможностей, тщетности затрачиваемых на службе усилий, нередко очень значительных и требовавших высокого профессиона- лизма и полной самоотдачи. Обстановку, бывало, отягощали материальные трудности, связанные с нерегулярными поступлениями необходимых финансо- вых средств из Петербурга и дороговизной представительского быта, к приме- ру, в Бразилии. Сказывались также ностальгия по русской культуре и не удов- летворявшееся стремление окунуться в культурную среду Западной Европы, близкую для этого слоя российского общества.

Неслучайно жизненные истории российских представителей в латино- американском регионе — это сложное переплетение различных коллизий, а то и преждевременно сверстанный мартиролог. Подвижническая дея- тельность Лангсдорфа и его печальная судьба известны. Посланник при португальском дворе в Рио-де-Жанейро в 1819—1821 гг. Ф.В.Тейль-фан- Сероскеркен умер в 54 года, когда в 1826 г. пересекал Атлантический оке- ан, возвращаясь из США, где возглавлял миссию, в Россию. В начале 1828 г. в 40-летнем возрасте умер А.В.Сверчков, тогда посланник в Великом гер- цогстве Тосканском, а в 1815—1817 гг. — поверенный в делах и советник миссии при дворе Браганса. В декабре 1831 г. от кровоизлияния в мозг скончался Ф.Ф.Борель, прослуживший в Рио-де-Жанейро всего два с поло- виной года. Он не перенес третьего тропического лета. В марте 1843 г. по- кончил с собой Ю.А.Валленштейн, не переживший глубочайшее разочаро- вание во всем, чем он занимался по службе, и не дождавшийся ответа на свое ходатайство об отзыве. С.Г.Ломоносов скончался в 1857 г. в 58-лет- нем возрасте, менее чем через десятилетие после перевода из Рио-де- Жанейро в Европу⁴². Д.Г.Глинка, серьезно подорвавший здоровье в тропи- ках, по отзыву одного из тогдашних российских публицистов, к своим 75 годам «впал почти в детство»⁴³. Р.Р.Розен, вручив верительные грамоты 1(13) августа 1891 г., был вынужден из-за болезни дочери, плохо перено- сившей климат Мехико, покинуть свой пост уже в следующем году⁴⁴.

Последняя попытка царской дипломатии добиться оживления россий- ско-бразильских экономических отношений была предпринята в 1910— 1912 гг. и связана с деятельностью посланника в Бразилии и иных южно- американских странах П.В.Максимова. «Нет слов, как было бы желатель- но, чтобы наши торговые люди могли бы отдать себе отчет в интересах, представляемых для них Южной Америкой и чтобы они отнеслись к своей же собственной пользе... с должной смелостью и энергией», — писал он, букваль- но повторяя мысли Бореля. В феврале 1911 г. Совет министров рассмотрел спе- циальное донесение Максимова от 2 ноября 1910 г., в котором подчеркивалось политическое значение сближения с южноамериканскими государствами и предлагались нужные для этого меры: уже в который раз (!), установление пря- мых торговых связей, а также организация пароходного сообщения между рос- сийскими и южноамериканскими портами, посылка в Южную Америку спе- циалистов в области торговли и промышленности, учреждение консульств и др. Идеи посланника были одобрены, однако их осуществление наткнулось, как

обычно, на серьезные препятствия. Наиболее значительные, но не принесшие ощутимых результатов усилия были предприняты для организации пароходного сообщения между Россией и Южной Америкой с помощью акционерного общества «Добровольный флот»⁴⁵.

Максимов также оказывал большую помощь (в виде советов, различных ходатайств, рекомендательных писем и т.п.) молодым участникам комплексной русской научной экспедиции в Южную Америку в 1914—1915 гг. — этнографам и лингвистам Генриху Генриховичу Манизеру и Федору Артуровичу Фиельструпу, зоологам Ивану Дмитриевичу Стрельникову и Николаю Парфентьевичу Танасийчуку, психологу Сергею Вениаминовичу Гейману. Они собрали обширные и ценные материалы. И в этом Максимов тоже был похож на Бореля, содействовавшего отправке материалов экспедиции Лангсдорфа в Россию. Эти первый и последний посланники Российской империи в Бразилии одинаково завершили свой жизненный путь. Они скончались на своих постах в Рио-де-Жанейро: Борель, как упоминалось, — в 1831 г., Максимов — в 1916 г. По отзывам современников обоих хоронил весь город, и они удостоились государственных почестей.

Ныне Российская Федерация имеет дипломатические отношения со всеми 33 странами Латинской Америки. Из маленького семени, олицетворением которого стало учреждение в 1811 г. российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро, за два века выросло огромное, ветвистое дерево, знаменующее собой целую систему разносторонних российско-латиноамериканских контактов. В современном мире, обуреваемом множеством проблем, главнейшую из которых составляют суровые вызовы глобального экологического кризиса, многоаспектное партнерство России и стран Латинской Америки имеет основополагающее значение для всего человечества. Ведь на их территориях, составляющих около 27% земной суши, еще сохраняются основные ресурсы жизнеобеспечения земель: леса и запасы пресной воды. Именно Россия и ее латиноамериканские партнеры несут основную ответственность за поддержание жизни на нашей планете⁴⁶. Мероприятия, проводимые МИД Российской Федерации, Посольством РФ в Бразилиа и нашим Генеральным консульством Рио-де-Жанейро в связи с памятным 200-летием, должны помочь во всеоружии исторической ретроспекции взглянуть как на богатое историческое прошлое отношений наших стран, так и скорректировать задачи дня сегодняшнего в целях дальнейшего развития этого важнейшего направления международной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830, с. 813.

² Б.Н.Комиссаров. Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808—1828. Л., 1987, с. 21.

³ Россия — Португалия: XVIII — начало XX века. Т. I, 1722—1815. Сборник документов. М., 2007, с. 316—330, 446—459.

⁴ Б.Н.Комиссаров. Указ. соч., с. 25.

⁵ ПСЗРИ, т. XXXI, с. 173.

⁶ Б.Н.Комиссаров. Указ. соч., с. 27.

⁷ С.А.Исаев. О возможном значении российско-бразильских отношений для формирования доктрины Монро. — Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста. Рос-

сийско-латиноамериканские отношения XVII — XXI веков. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 ноября 2008 г. СПб., 2009, с. 25—27.

⁸ Б.Н.Комиссаров. Указ. соч., с. 21.

⁹ Б.Н.Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774 — 1852. Л., 1975, с. 47—48.

¹⁰ Б.Н.Комиссаров. Петербург — Рио-де-Жанейро, с. 28—29.

¹¹ Там же, с. 33.

¹² Там же, с. 36.

¹³ Там же, с. 44.

¹⁴ Там же, с. 68.

¹⁵ Б.Н.Комиссаров. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977, с. 36.

¹⁶ Там же, с. 25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 28.

¹⁹ Б.Н.Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф, с. 72.

²⁰ A.M.P. *agente Augel*. Visitantes estrangeiros na Bahia oitocentista. São Paulo, 1980, p. 58—59.

²¹ Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель. Л., 1979.

²² T.O.C. *a s a d e i*. Langsdorff e a Universidade Brasileira. — *Mensário do Arquivo Nacional* (Rio de Janeiro), 1973, vol. 4, N 1, p. 19—22; Б.Н.Комиссаров. Первая русская экспедиция в Бразилию, с. 43—44; В.К.Омиссаров. História da expedição Langsdorff no Brasil. São Paulo, 1996, p. 47—48, 93—94.

²³ Б.Н.Комиссаров. Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX в.: записки Н.Г.Рубцова. — Советская этнография, 1963, № 3, с. 172—176; е г о ж е. Бразилия 20-х годов XIX в. на картах российского происхождения. — Актуальные проблемы португалистики: материалы Всероссийского научно-практического семинара по португалистике. Вып. 1. М., 2003, с. 65—73; А.И.Алексеев, Б.Н.Комиссаров. Н.Г.Рубцов и его роль в исследовании Бразилии. — Известия Всесоюзного Географического общества. М., 1966, т. 98, вып. 6, с. 500—506; Expedição Langsdorff. Centro Cultural Banco do Brasil. Rio de Janeiro, 2010; В.Н.Комиссаров. Langsdorff: com o Brasil, para sempre. — Expedição Langsdorff, p. 15—35; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 43—44.

²⁴ А.П.Богданов. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии, т.1. М., 1888; А.Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. СПб., 1889; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 36—40.

²⁵ Б.Н.Комиссаров. Первая русская экспедиция в Бразилию, с. 99—103, 105—106. М.Р.Агенте Augel. Ludwig Riedel: viajante alemão no Brasil. Salvador, 1979; В.К.Омиссаров, М.Р.Пинто Брага. Langsdorff, Riedel e Botânica. — *Meio Ambiente: Revista de Ecologia e consume*, 1992, N 1, p. 29—32; В.К.Омиссаров. História da expedição Langsdorff no Brasil, p. 94—98, 114—115; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 40—43.

²⁶ H.F. *lorence*. Viagem fluvial do Tietê ao Amazonas, de 1825 a 1829. São Paulo, 1948; В.К.Омиссаров. Hercules Florence, 1833: a descoberta isolada da Fotografia no Brasil. São Paulo, 1980; В.К.Омиссаров. A expedição do acadêmico G.I.Langsdorff e seus artistas ao Brasil. — Expedição Langsdorff ao Brasil. 1821—1829, Vol. 1. Rio de Janeiro, 1988, p. 11—57; A Zoophonia de Hercules Florence. — org. M.E.J. *Veil* l i a r d. Cuiabá, 1993; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 49—52.

²⁷ Voyage pittoresque dans le Brésil par M. Rugendas. Paris, 1835.

²⁸ Б.Н.Комиссаров. Первая русская экспедиция в Бразилию, с. 44—46, 66—67, 105; Th.Н.Артманн. A contribuição da iconografia para o conhecimento de índios brasileiros do século XIX. — *Coleção Museu Paulista* (ser. de etnol.), vol. 1. São Paulo, 1975, p. 75—94; N.C. *ar n e i r o*. Rugendas no Brasil. Rio de Janeiro, São Paulo, Porto Alegre, 1979; В.К.Омиссаров. A expedição do acadêmico G.I.Langsdorff e seus artistas ao Brasil, p. 11—57; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 44—48.

²⁹ Б.Н.Комиссаров. Первая русская экспедиция в Бразилию, с. 81—84; Th.Н.Артманн. Op. cit., p. 95—115; P.C. *o r g e a d o* L a g o. Taunay e o Brasil. Obra completa.

1816—1821. Rio de Janeiro, 2008, p. 222—247; Академик Г.И.Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821—1836 гг. Библиографический указатель, с. 48—49.

³⁰ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Первый российский посланник в Бразилии Ф.Ф.Борель. СПб., 2000, с. 205—206; Cunha W. d a. O diplomata Wallenstein. — Revista do Instituto Histórico e Geográfico Brasileiro, 1980, N 328, p. 93—104.

³¹ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Указ. соч.; и х ж е. Проект русско-бразильского договора о дружбе, торговле и мореплавании 1828 г. — В мире лузофонии. Материалы и статьи. СПб., 2003, с. 275—295; С.Г.Божкова. Ф.Ф.Борель и развитие отношений России с Португалией и Бразилией в первой трети XIX века. Автореферат диссертации. СПб., 1999.

³² Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Первый российский посланник в Бразилии, с. 170—171.

³³ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Российские дипломаты и консулы в Португалии в последней трети XVIII — начале XX в. — Мир лузофонии. Материалы международной научной конференции (15-17 октября 1998 г.). СПб., 2001, с. 219—221.

³⁴ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Российские дипломаты и консулы в Португалии, с. 221—223.

³⁵ Россия — Куба. 1902—2002. Документы и материалы. М., 2004, с. 591—605.

³⁶ С.Г.Божкова. Материалы российских дипломатических и консульских представителей в Бразилии (1812—1916 гг.) как источник по истории испаноязычных стран Америки (к постановке проблемы). — Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста, с. 6.

³⁷ Б.Н.Комиссаров. У истоков русско-бразильских отношений. — Россия, СССР — Бразилия: 150 лет отношений. М., 1980, с. 59.

³⁸ Л.А.Шур. Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений. М., 1964, с. 89—100.

³⁹ Там же, с. 96.

⁴⁰ Д.С.Кабанов, А.И.Кубышкин, А.И.Сизоненко. Его называли «Дипломатическая Кассандра». М., 2010, с. 38—45.

⁴¹ Россия — Куба. 1902—2002, с. 13—29, 606.

⁴² Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Первый российский посланник в Бразилии, с. 216—219, 222, 223.

⁴³ Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова. Российские дипломаты и консулы в Португалии, с. 223.

⁴⁴ Д.С.Кабанов, А.И.Кубышкин, А.И.Сизоненко. Указ. соч., с. 44.

⁴⁵ Б.Н.Комиссаров. У истоков русско-бразильских отношений, с. 60—61.

⁴⁶ Б.Н.Комиссаров. Сотрудничать для защиты природы... (К 180-летию дипломатических отношений России со странами Латинской Америки). — Консул, 2008, № 4, с. 24—26; Бразилия и Россия: нужна новая система отношений: беседа с доктором исторических наук, профессором Б.Н.Комиссаровым (беседовал А.Наумов). — Консул, 2010, № 2, с. 64—69.